

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Летом 1982 года вышла в свет документальная повесть В. М. Лукина «Подполье возглавил Васькин». Отдельные ее главы были опубликованы в 1980 году в нашей газете «Заря». После выхода в свет книги автор приезжал в Поддорье и Белебелку, где встречался с читателями и очевидцами описываемых в книге событий. В настоящее время ему уже пришло от родственников подпольщиков, а также от партизан и спасенных красноармейцев более 150 писем. В них сообщаются новые факты о деятельности подполья и партизан, уточняются некоторые события, а также присылаются фотографии героев тех дней.

Сегодня мы начинаем публиковать новые и уточненные главы из повести В. М. Лукина, которую он готовит к переизданию.

Если у кого-либо из читателей имеются документы и фотографии подпольщиков и партизан или будут какие-либо замечания, уточнения, автор просит поставить его об этом в известность и заранее благодарит.

... Райцентр Волот. Неказистые улочки с одноэтажными домиками. На южной его окраине железнодорожная станция, на северной — течет небольшая речушка Псижа. Через поселок проходят железная и шоссе дороги на Старую Руссу и Дно. По шоссе на восток в сторону Старой Руссы толпами движутся беженцы, навстречу им красноармейцы на машинах и в пешем строю.

Райком партии. В кабинете первого секретаря идет заседание бюро. За массивным столом, покрытым зеленым сукном, — первый секретарь Анисимов, за приставленным к его столу другим столом сидят члены бюро, работники райкома. Всего человек двенадцать.

— Да!.. Здравствуй, где ты? В райвоенкомате? — говорит в телефонную трубку первый секретарь. — Хорошо. Буду, — и, посмотрев на часы, добавляет, — минут через тридцать-сорок. Хорошо?

Он кладет трубку и, обращаясь к своему помощнику, спрашивает:

— Кто у нас следующий?

— Председатель колхоза «Красный путь» Арсентьев.

— Пусть входит.

Помощник секретаря выходит за дверь и сразу же возвращается с низкорослым, коренастым мужчиной лет 35.

— Михаил Семенович, — спрашивает вошедшего Анисимов, — как идут дела в колхозе?

— Дойное стадо уже погнали на восток. Сено же продолжаем заготовлять. Готовимся и к уборке урожая.

— Кому доверили стадо?

— Моему заместителю по животноводству, коммунисту Панфилову.

— А вдруг фашисты придут в район. Как вы думаете

те лично поступить?

— Мое место на фронте. Готов хоть сейчас...

— А если мы вам предложим партизанить?

— Можно и партизанить.

— Договоримся так. Вы сейчас возвращаетесь в колхоз и продолжаете работать. Вещмешок же, на черный случай, со всем необходимым приготовьте. Когда потребуется — мы пришлем за вами связного. Все поняли?

— Да.

— Тогда идите, — и, обращаясь к помощнику, Анисимов спросил, — кажется все?

— Нет, просят принять по личным вопросам уполномоченный «Лензаготторга» Мановский и учительница Ефремова.

Посмотрев на часы, Анисимов говорит: «Ладно, примем».

В кабинет вошел Мановский, мужчина лет 60-ти, высокий, тучный.

Обращаясь к вошедшему, Анисимов спрашивает:

— Что вы хотите, Петр Иванович?

— Прошу зачислить меня в партизанский отряд или дать иное поручение на случай прихода гитлеровцев в район. — Помолчав, добавил. — В гражданскую мне приходилось партизанить, думаю, и сейчас пригожусь...

Секретарь внимательно посмотрел на Мановского, словно взвешивая все «за» и «против» и с сочувствием ответил:

— Возраст у вас, Петр Иванович, уж очень солидный, да и здоровье неважное. Тяготы партизанской жизни уже будут не по плечу. Но мы понимаем вас и будем иметь ваше пожелание в виду. А сейчас мы недовольны эвакуацией скота из района. В этом есть и ваша вина. Постарайтесь ускорить дело...

— Понял. Приму меры. Спасибо, что не отказываете, — пятясь к двери спиной пробормотал Мановский.

В кабинет вошла учительница Татьяна Ефремова, девушка лет двадцати, ладная, стройная, красивая. Обращаясь к Анисимову, волнуясь, заговорила:

— Я комсомолка, живу в Должино, работала учительницей в Порховском районе. Там сейчас фашисты. Прошу райком рекомендовать меня на фронт медсестрой. Курсы я окончила.

— В райвоенкомате были? — спросил Анисимов.

Продолжение следует.

На снимке: Павел Афанасьевич Васькин (фото 1941 г.).

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение.
Начало в № 67.

— Да. Там сказали, что не могут взять, нет указаний...

— А что скажет комсомольский секретарь? — спросил Анисимов у сидевшего за столом интеллигентного вида парня.

— Мы хорошо знаем комсомолку Ефремову. Она надежный, дисциплинированный товарищ. Райком комсомола готов поддержать ее кандидатуру как в армию, так и в партизанский отряд.

— А партизанить вы бы пошли? — спросил Анисимов у девушки.

— Да, — без колебаний ответила та.

— Раз секретарь райкома комсомола рекомендует, мы тоже вас поддержим. А пока идите в райвоенкомат. Я тоже туда скоро приду. Посоветуемся с военкомом.

... Лицом к площади стоит широкий деревянный одноэтажный дом райвоенкомата. Перед ним толпятся люди. Кого призывают в армию, кто просится добровольцем, было много и провожающих. Женщины плачут, прижимая ребятшек к себе. Где-то звучит гармонь.

К райвоенкомату через толпу идет Анисимов, встретив на пути Татьяну Ефремову, говорит:

— Подождите здесь. Потребуется — пригласим.

В дверях его встретил офицер райвоенкомата, повел вглубь здания. Открыв дверь одного из кабинетов, пропустил в нее секретаря райкома, сам же вернулся к входу в райвоенкомат.

В кабинете Анисимова встретил Васькин. Поздоровались за руку как старые знакомые.

— Ну как с районом познакомился? — спросил Анисимов.

— Да. И на работу устроился, как договорились. Живу в Славитино.

— Как по твоему центр подполья в Волоте создадим?

— Я против.

— Почему?

— Слишком мал. Фашисты если придут сюда, непременно в нем расположат свои гарнизоны, комендатуру, полицию, склады и все другое. Да и окружен он полями. Рядом лесов почти нет. Держать с вами связь

будет очень трудно.

— А что ты предлагаешь?

— Я бы сместил центр организации в южную часть района в Славитино или Должино. Это крупные села. От райцентра недалеко и не близко. Кругом лес. Да и люди надежные есть. А главное партизанский отряд был бы рядом.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Анисимов.

— В Волоте мы бы оставили своих людей, — продолжал Васькин. — С Павловым я разговаривал, думаю подходящая кандидатура. Кого еще можешь порекомендовать?

— Да вот только что просился в партизанский отряд уполномоченный «Лензаготторга» Мановский — партизан гражданской войны. Кстати, он из Поддорского района. Ты с ним не знаком?

— Нет. И ничего о нем не слышал. Верно, когда здесь оформлялся на работу в сельпо, в кабинете председателя был и Мановский. Он интересовался моими документами. Даже посочувствовал моему «падению» с бухгалтера до счетовода. Но мне он не понравился: какой-то обтекаемый. А как он в Волоте оказался?

— Порекомендовали его нам в прошлом году. Мы приняли. С неба звезд не хватает, но и претензий к нему нет. Верно, общественной работы сторонится, все на здоровье упсваает, да и выпить мужик не промах...

— Нет. Таких нам не надо. Лучше подберем кого-либо из местных. Эти надежнее.

В это время в коридоре послышалась какая-то возня, дверь с шумом распахнулась и в комнату ворвался молодой человек лет двадцати пяти, среднего роста, широкоплечий, с литой шеей борца, в белой рубашке и черных брюках, заправленных в хромовые сапоги.

Увидев Анисимова, он горячо и быстро заговорил:

— Что же это делается, товарищ секретарь? Здорового парня в армию не берут... Ждите, говорят, а фашисты-то уже рядом...

Дверь вновь распахивается, торопливо входит офицер военкомата, берет за руку парня и пытается вывести его из комнаты. Но тот уперся и не отступает. Офицер строго его отчитывает:

— Немков! Ты что хулиганишь? Сказано придет твой черед — призовем...

— Да не могу я ждать, фашисты уже рядом... воевать надо, а не ждать!..

Вмешался Анисимов:

— Немков, тебе же русским языком говорят! Придет время и ты будешь в армии.

Немков хотел еще что-то сказать, но махнув свободной рукой, разочарованный пошел к двери.

Оставшись вдвоем, Анисимов спросил у Васькина:

— С руководителем Должинской подпольной группы связь установил?

Продолжение следует.

На снимке: Таня Ефремова — лучшая разведчица подпольной организации, награждена орденом Ленина. (Фото 1941 г.).

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение.
Начало в №№ 67, 69.

— Нет еще, не успел. Иванов здесь около военкомата, я сейчас тебя с ним познакомлю.

Анисимов вышел из комнаты, вскоре вернулся с мужчиной лет 37, среднего роста, одетого просто, но не по-крестьянски.

— Знакомьтесь, — представил вошедшего Васькину Анисимов.

Павел Афанасьевич внимательно посмотрел на вошедшего, на его лице появилась довольная улыбка, здороваясь за руку с Ивановым, проговорил:

— А мы уже знакомы. Несколько лет назад встречались на курсах учителей. Как, Александр Иванович, не забыли?

— Что вы, Павел Афанасьевич, разве то забудешь?

— Вот и отлично, что вы уже друг друга знаете, — воскликнул Анисимов и спросил у Иванова, — Вы, как руководитель подпольной группы, кого намечаете вовлечь в ее работу?

— Я живу в Больших Гривах, здесь у меня есть надежные люди. Это колхозники Руфкин Иван и Иванов Игнат, в Должино же думаю привлечь учительницу Васильеву Нину Павловну и заведующую почтовым агентством Немкову Анну. Все они беспартийные, но надежные советские люди.

— Со мной в сельпо работает бухгалтером Василий Еремеев из Должино, — заговорил Васькин. — Как по вашему, выйдет из него подпольщик?

— Да. Но у меня с ним нет близких отношений, трудное будет вести разговор.

— Это мы возьмем на себя, — вмешался Анисимов. — Кроме Еремеева есть еще одна кандидатура по Должино — Татьяна Ефремова. Она настойчиво просит направить ее или на фронт, или в партизанский отряд. Что о ней скажете?

— Девушка мне хорошо знакома. Боевая, инициативная, решительная. Могу характеризовать ее лишь с положительной стороны.

— Хорошо. Выйдите на некоторое время, а мы с Павлом Афанасьевичем сейчас с ней побеседуем.

Иванов с Анисимовым вышли. Вскоре первый секретарь вернулся с Татьяной Ефремовой. Сели за стол.

— Ну как, товарищ Ефремова, не передумала? — спросил ее Анисимов.

— Нет, товарищ секретарь. Прошу мою просьбу удовлетворить.

— А если вам будет поручено пойти в тыл к фашистам в разведку, вы пошли бы? — спросил у девушки Васькин.

— Об этом не думала, — неуверенно ответила Татьяна и уже твердо добавила. — Но если потребуется, конечно, пойду.

— Как, Павел Афанасьевич, может уважим ее просьбу? — спросил Анисимов.

Васькин внимательно посмотрел на Татьяну, подумав, ответил:

— Мы постараемся учесть вашу просьбу. Ответ сообщим через день-два...

... Райцентр Волот. Гражданского населения не видно. По улицам катят немецкие грузовики, танки, ходят солдаты в зеленых шинелях. Звучит немецкая речь, слышны звуки губной гармоники, наигрывающей немецкие марши. В здании райисполкома разместилась фашистская комендатура. В кабинете коменданта на стене портрет Гитлера, на столе телефоны и всякий комфорт. За столом сидит в кресле капитан тайной полевой полиции Гепарт. Перед ним на вытяжку стоит уполномоченный «Лензаготторга» Мановский. По-военному четко он докладывает:

— Агент Мановский прибыл по вашему приказу.

— Садитесь. Мановский сел на стул, заискивающе смотрит на Гепарта.

— Кто из руководства районом оставлен для подпольной работы вам известно? — спросил комендант.

— По моему, никто, — ответил Мановский, но увидев недоверчивый взгляд Гепарта, добавил, — должен был остаться первый секретарь райкома Анисимов с партизанским отрядом, но все они отступили с Красной Армией на восток. Я сам это видел...

— Если это так, то хорошо, — закуривая папиросу и предлагая это сделать агенту, небрежно стал говорить комендант. — Но имейте в виду — они могут и появиться в районе. Вы старый офицер-контрразведчик, в белой армии уже боролись против большевиков. Поэтому будем кратки. Немецкое командование назначает вас начальником Волотовской управы. Конечно, вы понимаете, что это лишь прикрытие. Главная ваша обязанность — выявлять и уничтожать оставшихся в районе партизан, подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, депутатов Советов и лиц, враждебно относящихся к новому режиму. С помощью карательного отряда и местной полиции будете систематически проводить в районе облавы, обыски, прочесывания местности. И если обнаружите человека, не проживающего в данной деревне, спрятанное оружие, боеприпасы или найдете советские листовки — арестовывайте всю семью, в которой это обнаружите. Всех таких арестованных причисляйте к партизанам и после допроса публично будем расстреливать.

Продолжение следует.

На снимке: В. Ф. Еремеев — хозяин явочной квартиры в Должино, один из друзей Васькина по подполью.

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение.

Начало в №№ 67, 69, 71.

— Понятно, — поддакнул Мановский.

— На вас также возлагается ответственность за создание гражданского полицейского отряда, подбора в каждой деревне старост, урядников и тайных агентов. Кого вы можете порекомендовать на должность начальника местной полиции?

— Молоткова.

— Кто он?

— Мой земляк. Отец раскулачен. Советская власть лишила его всего...

— Подходит. Действуйте.

... Окраина деревни Славитино. По грунтовой дороге, заросшей с боков ивами, из деревни вышел Васькин. Он осмотрелся, затем решительно пошел к лесу. Когда поравнялся с кустарником, был остановлен резким окриком:

— Хальт!

Из-за куста к нему подошли два фашистских солдата с автоматами на груди. Один из них на ломаном русском языке спросил:

— Партизанен?

Васькин отрицательно помотал головой и, показывая на Славитино рукой, сказал:

— Я иду из этой деревни.

Солдат, ощутив его одежду, спросил:

— Куда идешь?

— В соседнюю деревню. А что, нельзя?

Солдаты о чем-то между собой переговорили. Один из них зашел за куст, завел мотоцикл с коляской и помчался в Славитино. Вскоре вернулся со старостой деревни Сапожниковым.

— Этого человека знаешь? — спросил солдат у старосты.

— Да. Это счетовод сельпо Васькин, живет в нашей деревне.

— Вы, как староста, должны предупредить жителей, что хождение из деревни в деревню до особого распоряжения немецкого командования запрещено, — бесстрастно проговорил солдат и угрожающе добавил, — кто нарушит это распоряжение, будет расстрелян, — показав рукой на деревню уже спокойнее сказал, — можете идти.

Васькин со старостой пошел к деревне.

— Куда тебя черт понес? — спросил у Васькина староста.

— Грибков хотел к ужину принести.

— Придется с грибками повременить, — посоветовал староста, — сейчас все дороги патрулями перекрыты. Того и гляди пулю схлопочешь.

В деревне Васькин попрощался со старостой. Заметив в поле около леса стадо коров и пастуха, остановился, подумал и направился в поле. Подошел к старику, пасшему скот, поздоровался, угостил махоркой, закурили.

— Фашистов в лесу не видел? — спросил Васькин.

— Нет. А что?

— Да вот хотел в соседнюю деревню сходить, остановили на дороге, приказали вернуться.

— А ты по дороге не ходи, а лесом... Они туда нос не суют.

— Спасибо. Попробую, — поблагодарил Васькин и вошел в лес.

... Лесная тропка к Должину была знакома. Васькин шел спокойно, но осторожно.

Васькин поздоровался с Александром Ивановичем Ивановым — руководителем Должинской подпольной группы за руку. Иванов сразу же с тревогой в голосе спросил:

— С Анисимовым и районным партизанским отрядом связь налажена?

— Пока еще нет, — сдвинув брови, ответил Васькин.

— Сам не пойму, что с ними... Провала не должно быть. Слух же ходит, что истребительный батальон, из которого должен быть создан районный партизанский отряд, влился в ряды Красной Армии и с ней отступил на восток. — Встряхнув головой, Васькин обнадеживающе добавил. — Ну ничего, скоро точно все узнаем. В лесу я случайно встретился с партизанами. Комиссаром у них Орлов, секретарь Порховского райкома, мой хороший знакомый. Он обещал узнать и об Анисимове, и о нашем партизанском отряде. Связь у них с обкомом партии имеется... Ну а у вас как идут дела?

— Воззвание руководителей обороны Ленинграда продолжаем распространять. Народ активно на него откликается. Многие наши парни ходят на поле боя, ищут оружие. Просят подсказать, куда идти, чтобы влиться в партизанский отряд. Что я могу им посоветовать, Павел Афанасьевич?

— Да-а, трудное у нас сейчас положение, — в раздумье заговорил Васькин, — вот что я скажу, — до выяснения обстановки пусть воздержатся от боевых операций. Оружие же продолжать искать. Днем вместе со всеми выходить на полевые работы, используя это для сбора сведений о гитлеровцах. А вот ночью можно собираться группами, уничтожать линии связи, поджигать фашистские склады, распространять листовки. Я думаю, дня через два-три у нас все прояснится. Тогда и решим, как быть дальше с новыми партизанами.

Продолжение следует.

На снимке: П. А. Ступаков — секретарь Поддорского райкома партии, комиссар партизанского отряда (фото 1942 г.).

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение.

Начало в №№ 67 69, 71, 73.

Павел Афанасьевич спросил у Немкова:

— Как раненые, поправляются?

— Родионова можно уже отправлять к партизанам, а вот Филькова еще рановато.

— А какая профессия у Родионова?

— Говорят, что он шофер, работал и трактористом, радиолюбитель.

— А отремонтировать радиоприемник сумеет?

— Не знаю. Надо спросить.

— Вот какое дело, — продолжил уже заинтересованно Васькин, — мне как-то Нина Павловна говорила, что в школе в физкабинете имеется старый неисправный радиоприемник. Нужно бы его оттуда вынести и наладить. Это бы нам позволило самим принимать и распространять свежие сводки Совинформбюро. Понял?

— Конечно. Постараемся это сделать.

— И еще вот что, как только немецкие солдаты уйдут из деревни, хорошо бы Родионова от Грунтовых переселить к Еремееву под видом родственника. Сейчас новые власти поощряют открытия всякого рода лавочек и мастерских. Было бы очень хорошо, если бы Еремеев с Родионовым открыли мастерскую по ремонту, ну хотя бы примусов, кастрюль и так далее. Обмозжьте вы это с Еремеевым, если этот план удастся осуществить, то у нас будет где ремонтировать неисправное оружие...

* * *

Василий Федорович Еремеев, сложив в мешок только что испеченные женой шесть буханок хлеба, туда же сунул пакет с солью, кусок свежего сала и мешочек с горохом, сказал жене:

— Вот что, Катюша, я сейчас с Сашей Немковым иду в соседнюю деревню. Возможно, задержусь. А ты после обеда посматривай-ка вон на те кусты, — и он указал на деревца за огородом. — Если выйдешь в огород и они начнут качаться, отнеси этот мешок за огород и поставь у изгороди с той стороны. Сама сразу же возвращайся домой.

— А я то думала, что на неделю нам хлеба напекла...

— Ты не огорчайся, — успокоил ее муж. — Мы дома. Завтра напекем, сколько нам нужно. А партизанам в лесу сама понимаешь, без еды хуже некуда...

— Ладно уж. Все сделаю. Только бы староста или еще кто не заметили.

— А ты посматривай по сторонам-то. Если с мешком застанут, говори, что хочешь припрятать на черный день...

... Вечером, вернувшись домой, Василий Федорович сразу же спросил у жены:

— Отнесла?

— Да. А вот, кто унес мешок так и не заметила. Уже думала, что никто за ним и не приходил. Пошла проверить, а его уже на месте и нет.

— Все правильно. Но подсматривать было ни к чему. Следующий раз не делай этого.

* * *

... Деревня Соловьево. В огороде крайнего дома к ле-

су высокий мужчина лет сорока пяти, держа левой рукой грабли, собирал картофельную ботву в пучки. Правый рукав его старинного в заплатках пиджака был пустой.

К изгороди со стороны леса подошел Васькин и громко окликнул:

— Захар Степанович!

Мужчина оглянулся. Увидев Васькина, положил грабли на землю, прихрамывая подошел к нему и торопливо полупшепотом заговорил:

— Павел Афанасьевич, в нашей деревне полицейский отряд. Я, как мы с вами договорились, поставил шест к сараю, — и, указав на него рукой, спросил, — неужели не заметили?

— Конечно, заметил. Спасибо! Поэтому и в деревню не зашел. Отойдемте-ка за баню. Поговорить надо.

Захар Степанович отодвинул в заборе две доски, неуклюже пролез в дыру. Сели на бревно, закурили.

— Чем занимаются полицейские? — спросил Павел Афанасьевич.

— Пьянствуют, да грабят. А их начальник вчера на сходке спрашивал, не видел ли кто счетовода Славитинского сельпо Васькина.

— Ну и что?

— А в деревне бас почти никто и не знает, а кто и видел в сельпо, говорят Молоткову, что не знаем, и никогда такого не видели...

— Да, с этой иудой мне встречаться опасно, — серьезно проговорил Васькин и спросил. — Что вы можете сказать об Иване Аверьянове и Романа Карпукхине из вашей деревни?

— Два друга. Куда один, туда и другой. Аверьянов верховодит. Ему под пятьдесят. Шестеро ребятишек. Умный, волевой, дельный колхозник.

— А можно ли им доверять? Ну, скажем, привлечь к работе по сбору продуктов для партизан?

Степан Захарович затянулся сигаркой, внимательно посмотрел Васькину в лицо и веско, твердо ответил:

— Конечно, можно. Они наши, советские люди. Но предупреждаю, что про Аверьянова ходит слух, мол, он когда-то выступал против коллективизации и Советской власти. Это — ложь!

— А может слух имеет под собой почву?

— Нет. Я в это время уже жил здесь. Он из батраков. Если бы все болели за артельное дело и трудились, как он, наш колхоз был бы лучшим не только в сельсовете, но и в области. А критиковать руководителей колхоза за бесхозяйственность он не стеснялся, по видимому, и слух этот пустил кто-то из приближенных председателя. Да. Может услышите что плохое и о Романа Карпукхине, тоже не торопитесь верить. Я давно к нему присматриваюсь. Правильный парень. А вот отца его — Егора и старшего брата Василия — остерегайтесь: Егор был раскулачен, затаил обиду на Советскую власть и сейчас выслуживается перед фашистами. Василий дезертировал из Красной Армии, вступил в полицию.

Продолжение следует.

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение. Начало в №№ 67, 69, 71, 73, 75.

Зато младшие ненавидят фашистов — это точно. Ефим командует ротой в Красной Армии, уже имеет боевые награды, Роман, о котором вы интересуетесь, установил связь с партизанами, снабжает их продуктами, думаю, не сегодня так завтра к ним уйдет. Васятка — еще пацан, но тоже за нашу власть.

— Значит будем создавать подпольную ячейку, — подвел итог Васькин, — с Аверьяновым и Карпухиным в принципе я договорился.

— А что они будут делать?

— Во-первых, мосты, которые сейчас строит Аверьянов и другие, должны быть уничтожены. И так, чтобы фашисты не напали на след тех, кто это сделает. Во-вторых, нужно организовать сбор и заготовку продуктов для партизан. В-третьих, прощупать молодежь, наиболее патриотически настроенных будем переправлять в партизанские отряды или использовать в деревне для сбора продуктов и доставки их партизанам...

— Понятно. Жаль, что я в этом не могу помочь, — с тоской проговорил инвалид и, погладив на ногах протезы, добавил. — Если бы не ноги, ушел бы партизанить...

* * *

Замысел Васькина по созданию в Соловьево ячейки вскоре удался.

В дом к Еремеевым постучались. Василий Федорович открыл дверь, увидев Немкова и Родионова, приветливо поздоровался, провел в дом. Родионов огляделся. Посреди просторной комнаты стоял большой квадратный стол, накрытый скатертью с вышивкой розового цвета гарусом. На нем — колода потрепанных игральных карт, шумел самовар. С боку висела плотная занавеска розового цвета с белыми и бежевыми полосами. От всего, что он увидел, веяло уютом, теплом и спокойствием.

— Садитесь, дорогие гости, — пригласил к столу хозяин, — и обращаясь к Родионову добавил, — значит, Федор, решено. Мы с тобой открываем мастерскую. Александр добудет тиски, наковальню и кой-какой инструмент. Я думаю разместить ее в холодной боковой комнате.

— Правильно, — поддержал Еремеева Немков, — в ней два выхода, один в избу, другой прямо на улицу. Это очень удобно.

Вошла хозяйка. Поставив на стол чашки и чайник, направилась к выходу.

— Подожди, Катя, — остановил ее муж. — У нас будет жить вот этот парень — Федор Родионов. Если кто будет интересоваться, говори, что это мой племянник.

— Я поняла. Ты же меня об этом предупреждал.

— А ты, Федор, — обратился к Родионову хозяин, — называй нас дядей и тетей...

На другой день Немков принес в комнату слесарные тиски, кусок толстого железного листа. Вместе с Василием Федоровичем отпилили от поваленного дерева толстый чурбан и закатали его в комнату, поставили к окну.

— Ну вот теперь можно идти и к властям за разрешением открыть мастерскую, — удовлетворенно проговорил Еремеев, оглядывая комнату, превращенную в мастерскую.

Первое время Родионов ремонтировал во вновь открытой мастерской примусы, керосинки, патефоны, посуду. Но вскоре стали поступать заказы и на изготовление железных печек. Он стал частым гостем у многих жителей села. К нему привыкли и везде встречали как племянника Еремеева, даже староста.

Однажды вечером, уже в сумерках в мастерскую вошел с мешком за плечами Немков. Перевернув мешок, он вытряхнул из него на пол два автомата, карабин, два нагана и пистолет «Вальтер», сказал:

— Все это надо как можно быстрее привести в порядок.

— Постараемся, — ответил Родионов и тут же стал вместе с Еремеевым очищать от грязи и ржавчины оружие.

На другой день ранним утром Еремеев с Родионовым приступили к ремонту оружия. Только разобрали два автомата, как в двери показалось испуганное лицо хозяйки.

— Полицей Леха Губан к нам идет, — прошептала она и скрылась за дверью.

Василий Федорович сбросил со стола на брезент разобранное оружие, завернув побежал с ним на сеновал. Быстро спрятал в сене, вернулся обратно. Родионов же, взяв в руки большую кастрюлю, стал постукивать по ней пальцами, как бы раздумывая, как удобнее ее отремонтировать.

Продолжение следует.

На снимке: юный разведчик принес ценные сведения для партизан 2-й бригады (фото 1942 г.).

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение. Начало в №№ 67, 69, 71, 73, 75, 77

Вошел Леха Губан. С раздражением спросил:

— Чтой-то вы здесь мастерите?

— Ремонтируем что приносят, — ответил Еремеев.

Полицай осмотрел комнату, приподнял уже отремонтированный примус, поставил его на место, крутнул ручку неисправного патефона.

— Разрешение на открытие мастерской получено?

— Конечно, спасибо господину старосте, замолвил слово.

— Ну то-то, — буркнул Губан и вышел из комнаты.

Каждый раз, когда в дом приходили полицаи, фашистские солдаты или кто-либо из посторонних, Еремеева с Родионовым предупреждали об опасности жена хозяина или дочери. Ремонт оружия в мастерской продолжался...

* * *

Как только Немков узнал, что фашистские солдаты выехали из здания школы, сразу же стал готовиться к переносу радиоприемника к себе в дом. Мешало одно препятствие. В саду школы все еще стояли несколько крытых автомашин с грузом, а около них днем и ночью ходил часовой. Подумав, Александр решил привлечь на эту операцию Мишу Васильева: тот ежедневно ходил к школе за дровами и уже примелькался часовым.

Усевшись на лавку против школы, Немков внимательно наблюдал как Миша, пройдя мимо часового, подошел к штабелю дров, набрал в мешок поленьев, закинул его за спину, и, согнувшись под тяжестью, пошел к дому. Когда Миша проделал это дважды, Александр подождал его к себе и предупредил:

— Сейчас я отвлеку часового, а ты забеги в физкабинет, сунь в мешок радиоприемник, а поверх положи дров и тащи ко мне в дом.

— Понял, сделаю, — улыбнулся мальчик и пошел к школе.

Немков же зашагал к школьному саду с противоположной стороны. Только подошел к изгороди, как услышал резкий окрик: «Хальт!».

Остановился. Подождал, когда часовой подошел к нему поближе, заговорил:

— Я монтер. Господин офицер приказал проверить линию до Марино. Хочу ему доложить...

— Никс форштейн, — ответил часовой и помахал автоматом, давая понять, чтоб Немков возвращался обратно.

Александр видел как Миша за спиной часового юркнул в школьную дверь, вскоре вернулся и стал складывать в мешок поленья дров.

— Ну что ж, раз сегодня нельзя, то доложу завтра, — проговорил Немков, и увидев, что Миша с мешком за плечами вышел на улицу, пошел прочь от часового.

У себя дома Александр застал Мишу, торопливо спросил: «Принес?».

— А как же, — с гордостью ответил мальчик и, вынув из мешка приемник, добавил. — Вот он.

— Давай-ка посмотрим, что в нем неисправно. — Немков взял приемник, поставил его на стол, стал внимательно осматривать.

— Да. В этой чертовщине я ничего не смыслю, — заметил он и попросил Мишу, — сбегай-ка за Родионовым, он мастер по радиоприемникам.

Мальчик выбежал из дома. Вскоре вернулся. Вслед за ним вошел Родионов.

— Посмотри-ка, Федор, нельзя ли его отремонтировать, — указывая рукой на приемник, попросил Немков.

Родионов, внимательно осмотрев приемник, ответил:

— Попробую наладить, но без батарей он все равно не заговорит.

— А если я аккумулятор с разбитой автомашины принесу? — предложил Александр.

— Можно и аккумулятор, — согласился Федор, — перенесем все к нам в мастерскую, там и попробую его оживить.

— Помните, — предупредил Немков Мишу и Родионова, — о приемнике никто не должен ничего знать...

Уже несколько дней колдовал над приемником Родионов, казалось все, что надо, припаял, проверил, поставил на свои места, а он все молчал. В мастерскую зашел Василий Федорович Еремеев с женой, следом за ним в дверь прошли две их дочери.

— Ну, как, все молчит? — спросил Еремеев.

— Молчит окаянный. Все вроде на месте, лампы накаливаются, аж зло берет. — И Федор с раздражением хлопнул рукой по корпусу приемника.

Продолжение следует.

На снимке: семья подпольщицы Анны Кузьминичны Заниной (она в центре) награжденной орденом Отечественной войны I степени (посмертно) (фото 1940 г.).

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение. Начало в №№ 67, 69, 71, 73, 75, 77, 78.

В нем что-то пи-скнуло, а затем раздались четкие и громкие слова диктора: «Говорит Москва! Передаем сводку Совинформбюро...».

Все находившиеся в мастерской застыли в изумлении. Лишь Машенька бросилась к двери и скрылась за нею. И вдруг на улице раздался ее тоненький кричащий голосок: «А у нас радио заговорило... А у нас радио заговорило».

Взрослые в ужасе переглянулись. Екатерина Васильевна выбежала на улицу, схватила дочь под мышки, принесла в дом.

— Где ты радио услышала, Машенька? — испуганно спросил ее отец.

— А сейчас говорило, папочка, разве не оно?

— Это же не радио, — вмешался Родионов, — это патефон заговорил. Я его ремонтирую. Видишь пружина в нем не исправна, — и он показал ей какую-то попавшую под руку пружину.

— А я думала это радио, — с разочарованием вымолвила девочка и потупила голову.

— Запомните, доченьки, никакого радио у нас нет и не было. А это — патефон. Вот отремонтируем его и будем слушать, — уже спокойно пояснил Василий Федорович.

С этого дня Родионов почти ежедневно стал принимать и записывать сводки Совинформбюро и передавать их Александру Немкову, а Никола Павловна Васильева, Мария Михайловна Волкова и Татьяна Ефремова размножали их и распространяли по всем населенным пунктам района.

* * *

К Немкову пришел руководитель подпольной группы Иванов. Поздоровавшись, с

интересом спросил:

— Правда, что ты в лесу нашел тол?

— Конечно, а что?

— Много?

— Килограммов пятнадцать-двадцать будет.

— А запалы?

— Вот их-то и нет.

— Жаль. А то бы фашистам «праздничек» устроили.

— И устроим.

— Без запалов-то?

— Придумаем что-нибудь. Ведь Василий Федорович в гражданскую воевал, а Родионов в эту.

— Сходи-ка за ними. Может и верно, что подскажут.

Немков оделся и вышел. Вскоре вернулся. Следом за ним вошел Еремеев, через некоторое время и Родионов.

— Вот, что товарищи, — обратился к ним руководитель группы, — мы достали тол, но нет взрывателей. Подскажите, чем нам их можно заменить.

— Я кроме винтовки никакого другого оружия не имел, — проговорил Еремеев и посмотрел на Родионова.

— Я тоже, — вставил Федор и добавил, — но слышал, что тол можно взорвать с помощью гранаты.

— А как? — с интересом спросил Немков.

— Черт его знает как, само я никогда этого не делал.

Продолжение следует.

На снимке (вверху): Герой Советского Союза Н. Г. Васильев — командир 2-й партизанской бригады в Серболовском лесу, готовится к очередной боевой операции (фото 1942 г.).

На снимке (внизу): У-2 прилетел в партизанский край с почтой, медикаментами и боеприпасами (фото 1942 г.).

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Продолжение. Начало в № 67, 69, 71, 73, 75, 77, 78, 80.

— Поручено Немкову и Родионову продумать как можно устроить взрыв тола на расстоянии, — твердо заговорил Иванов, — и обязательно проверить свой метод на практике, где-либо в глухом лесу, а затем доложить мне. Поняли?

— Сделаем, — почти одновременно ответили Родионов и Немков.

... Ночь. Безлюдная улица в Должино. Из дома Немковых вышел в накинутом на плечи полушубке Александр. Внимательно осмотрев улицу, вернулся. Сразу же из дома вышел Васькин. Приподняв воротник полушубка, он решительно зашагал по улице. Пройдя метров пятьдесят, Павел Афанасьевич увидел впереди идущих навстречу двух мужчин. Они курили, на ходу вполголоса переговаривались. Это были староста Егоров и Сотов — агент Молоткова. Когда Васькин прошел мимо них, Сотов спросил у Егорова:

— Кто это? Ты его знаешь?

— По-моему, он не из нашей деревни.

— Проверим, — проговорил Сотов и бросился вслед за Васькиным. Нагнав, схватил за левое плечо и прохрипел. — Документы!

— Пожалуйста, — спокойно ответил подпольщик и, размахнувшись, резко ударил кулаком Сотову в челюсть. Тот кубарем отлетел в сторону и распластался на снегу. Васькин побежал к стоящему у дороги сараю. Егоров же бросился к Сотову, помогал встать, волнуясь, громко зашипел:

— Это он... Васькин... Я узнал его...

— Задержать! — скрипнув зубами, прокричал Сотов и, поднявшись на ноги, побежал вместе с Егоровым за

Васькиным.

Видя, что его преследуют, Павел Афанасьевич вбежал в сарай, захлопнул за собой дверь, а сам, выпрыгнув из-под крыши с противоположной стороны, скрылся за ближайшим домом. К сараю подбежали преследователи. Сотов, вынув из-за пазухи наган, обежал вокруг сарая, став напротив двери, приказал Егорову:

— Беги за урядником, да винтовки прихвати, я покараулю.

Егоров потрусил к дому урядника.

* * *

Прошло более недели. Среди неотложных дел Васькин не забывал о готовящейся диверсии, с нетерпением ожидал связного. И когда тот появился с донесением, с нетерпением развернул его: Сразу кинулось в глаза: «... Настоящим ставлю в известность, что на станции Волот находится постоянно 70—80 человек, имеются 10 пулеметов, зенитных батарей нет. На разъездах Мяково охрана постоянно 15—20 человек, зенитных батарей тоже нет. От Волота до разъезда Мякова железная дорога охраняется очень слабо».

Немцы в деревнях раздвигают население, ...снимают с ног валенки, полушубки и тулупы, отчего растет недовольство среди населения... Кроме того был случай в деревне Рно Волотовского района четверо немцев изнасиловали молодую девушку. У людей, которые преданы советской власти иногда создается недовольство тем, что прилетают наши самолеты и бомбят с громадной высоты, в частности разъезд Мяково, где можно спуститься ниже и бомбить без промаха и без ущерба для самолета.

Продолжение следует.

На снимке (вверху): М. А. Андреев — председатель Шулешовского сельсовета Белебелковского района, делегат от партизанского края с обозом продуктов в осажденный фашистами Ленинград (фото 1942 г.).

На снимке (внизу): руководители партизанского движения в полосе Северо-Западного фронта (слева направо первый ряд) заместитель начальника партизанского отдела фронта А. А. Тужиков, начальник отдела А. Н. Асмолов, командир второй партизанской бригады, Герой Советского Союза Н. Г. Васильев, (стоят) уполномоченный опергруппы Ленинградского обкома ВКП(б) И. Н. Поликарпов и начальник оперативной группы В. П. Гордин (фото 1942 г.).

ПОДПОЛЬЩИК ВАСЬКИН

В. М. ЛУКИН

Продолжение. Начало в № 67, 69, 71, 73, 75, 77, 78, 80, 81.

«Но есть случаи, когда население восхищается действиями наших самолетов, в особенности ночью при свете спускающихся на парашюте (осветительных ракет). Этот случай был в декабре в городе Дно, когда наш советский самолет при свете ракет бомбил без промаха, после чего трое суток возили немцев, одно мясо, так удачно была пущена бомба в бывший магазин «Спайка», в котором жили немцы.

... В деревне Березовка, Вояжа, Дерглед, Пуково, Б. Гривы, Базино, Средня, Красный Путиловец (Колжово) немцев нет.

Доклад товарища Сталина распространен по деревням Дерглед, Ручьи, Пуково, Базино, Средня, Н. Петрово, Б. Гривы, Должино, Соловьево Вологовского района и в деревнях Волны, Берестиче, Глухо-Горушка, Крутец, Юково... Дновского района. В деревне Должино доклад товарища Сталина проработали около половины населения деревни... После проработки поднялся дух у населения, то-есть воскресла надежда на победу над германцами». «Ива».

Прочев, Васькин спросил: — Иванов что-нибудь еще велел передать?

— Да. Он просил сказать следующее: «От Волота до разъезда Мяково охрана слабая. Здесь наилучшее место. К операции все готово. Просим разрешения». Васькин твердо сказал связному:

— Передай Иванову: операцию «Взрыв» разрешаю.

К дому Василия Еремеева подъехали розвальни. С них слез высокий сутуловатый мужчина лет сорока. Это был Осип Багов — подпольщик из деревни Сельцо. Привязав к дереву лошадь, он неторопливо подошел к двери и постучался. Вышел хозяин дома. Багов, поздоровавшись,

сказал: «Слышал, что хочешь купить лошадь. Могу помочь».

Это был пароль. Василий Федорович ответил условной фразой: «Да, хочу обзавестись настоящим конем, а то у меня не то, не се».

У Еремеева действительно была лошадь очень маленького роста, но он был ею доволен и не собирался покупать новую.

— С чем пожаловал, Осип Васильевич?

— Привез три мешка гороху. Велено оставить у тебя. Куда сгрузить?

— Заезжай во двор, скинем в сарай.

Прикрыв в сарае мешки сеном, Еремеев предложил:

— Заходи в дом перекусим.

— Некогда. В Дно на рынок тороплюсь.

— Что купить-то хочешь?

— Махорки, да соли. И того и другого как можно больше, — подмигнув Еремееву, Багов сел в розвальни и дернул за вожжи.

— Понятно, желаю успеха.

Осип Багов торопился на рынок по заданию Васькина. Ему было поручено не только купить махорки и соли для партизан, но и собрать дорогой сведения.

Окончание следует.

На снимке (вверху): (слева направо) заместитель начальника партизанского отдела Северо-Западного фронта А. А. Тужиков, Герой Советского Союза, командир комсомольского партизанского отряда по охране обоза с продовольствием для ленинградцев Михаил Харченко и начальник особого отдела 2-й партизанской бригады Н. И. Иванов (фото 1942 г.)

На снимке (внизу): партизаны 2-й бригады у сбитого фашистского бомбардировщика. (фото 1942 г.)

ПОДПОЛЬЩИК

В. М. ЛУКИН

ВАСЬКИН

Окончание. Начало в № 67, 69, 71, 73, 75, 77, 78, 80, 81, 83.

одежде, медленно и осторожно ползет к скотному двору. Около последнего куста, метра в пятнадцати от строения, человек замер, долго вслушивался и всматривался вперед. Тихо кругом, только ветер приглушенно стонет в голых ветвях. Неожиданно около дверей скотного двора раздался окрик на немецком языке. Сразу же последовал ответ.

Человек в кустах, а это был председатель колхоза «Красный путь» Арсентьев, прижался к земле. На фоне неба он разглядел силуэты трех фашистских солдат. Они встретились около двора, негромко между собой заговорили. Вот вспыхнула спичка, и Арсентьев на мгновение увидел лицо прикуривающего папиросу. Вскоре двое ушли в деревню, а оставшийся солдат стал медленно прохаживаться перед дверью, затем прислонился к ней спиной и замер. Понаблюдав еще, Арсентьев пополз через кусты вокруг строения к задней стенке. Здесь найдя дыру, пролез через нее в сарай. Внутри было темно и тихо. Он чиркнул зажигалкой. Неяркий огонек скупо осветил стоявший ряд груженых чем-то автомашин, железную кадку с какой-то жидкостью.

Арсентьев сунул в нее пальцы, понюхал. Пахло соляркой. Взяв ворох тряпок, лежавших около кадки, сунул их в жидкость, загасил зажигалку и осторожно стал опрокидывать кадку на бок. Солярка тихо журча потекла под машины. Вынув из кармана флягу с керосином, он обрызгал стену и автомашину. Затем, нащупав мокрые тряпки, поволок их к дыре в стене. Для верности выложил в ряд и пороховые соломины, прихваченные с собой. Вылез наружу, сунул руку с зажигалкой в дыру, поджег соломину и убедившись, что огонь пополз по следу к машинам, пригнувшись к земле, побежал к кустарнику.

На снимке (вверху): врач 2-й партизанской бригады Лидия Семеновна Радевич. Ее госпиталь располагался в деревне Глотова Белебелковского района. (Рисунок сделан партизанским художником в 1943 г.).

На снимке (внизу): командный состав партизанского отряда (слева направо) командир отряда А. Г. Поруценко, кинооператор И. Гусев и комиссар отряда И. А. Ступаков (фото 1942 г.).

Такое задание он получал от Павла Афанасьевича уже не первый раз и всегда четко и точно их выполнял. Однако в тот день встретился по поручению Павла Афанасьевича Васькина с Василием Еремеевым, как с подпольщиком, впервые.

У Василия Еремеева в сарае помимо привезенного Баговым гороха, были спрятаны несколько мешков муки, привезенные Александром Немковым и Федором Родионовым из Большегривской мельницы. Как горох, так и мука были конфискованы подпольщиками у предателей Родины.

На другой день рано утром, воспользовавшись тем, что фашистских солдат в деревне не было, а староста и старший полицейский уехали в Волот, Василий Федорович погрузил на сани отремонтированное оружие и продукты, сверху прикрыл их сеном и вместе со старшей сестрой Немкова — Анной Ивановной, отвез все в лес партизанам. Обрато в деревню вернулись с возом березовых дров.

Жители деревень старательно прятали от гитлеровцев скот, хлеб, картошку. Они хорошо знали о наказаниях, однако поддерживали народных мстителей всем, чем могли, отправляли им мешки с мукой и другими продуктами.

* * *

... Ночь. Окрина деревни Горки Ратицкие. В стороне на бугре чернеет скотный двор, превращенный гитлеровцами в ремонтную мастерскую. Впритык к нему — длинный сарай. Через кустарник, окружающий эти строения, кто-то в темной

